

Анжиров Игорь Викторович

начальник УБЭП Кировского УВД
г. Ростова-на-Дону
тел. (928) 279-26-81

Anzhirov Igor Viktorovich

head of Department for Combating
Economic Crimes Economic Crimes of
Kirov Department of Internal Affairs,
Rostov-na-Donu
tel. (928) 279-26-81

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
И СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНЫХ
СООБЩЕСТВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**STRUCTURAL FEATURES
AND SPECIFICITY OF ACTIVITY OF
ETHNIC CRIMINAL COMMUNITIES
IN MODERN RUSSIA**

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению особенностей деятельности этнических криминальных групп в современной России. Каждая из преступных этнических групп представляет собой отдельную криминальную структуру, которая в силу своей закрытости и социокультурной специфики, в корне отличающейся от русской, является труднодоступной для правоохранительных органов. Эффективное противодействие этническим группировкам является стратегической задачей для российской криминологии.

Ключевые слова:

этническая преступность, клановость, правоохранительные органы, преступная группировка, диаспора, межэтнические столкновения, оружие.

The summary:

The article is devoted to the consideration of the features of activity of ethnic criminal groups in modern Russia. Each of the criminal ethnic groups represents separate criminal structure which is owing to the closeness and social-and-cultural specificity which is differing radically from Russian, is remote for the law enforcement bodies. Effective counteraction to ethnic groupings is a strategic problem for the Russian criminology.

Keywords:

ethnic criminality, clannishness, law enforcement bodies, criminal groups, diaspora, interethnic collisions, weapon.

Начиная с 1970-х – 1980-х гг. в СССР, а затем в Российской Федерации, в том числе и в ее южных регионах, широко распространилась деятельность этнических преступных сообществ, сформированных преимущественно выходцами из национальных республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также из некоторых государств Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии. Каждое из данных преступных сообществ отличалось не только определенной внутренней структурой, но и спецификой форм и направлений преступной деятельности.

Одной из важнейших структурных особенностей этнических преступных сообществ являлась их закрытость, обусловленная не только принадлежностью их членов преимущественно к одной этнической группе и даже к одному семейству, но и социокультурной спецификой, в корне отличной от русской. Большинство действующих на территории России этнических преступных группировок формируется представителями тех национальностей, которые имеют существенные отличия от коренного населения страны в традициях, образе жизни и мировоззрении. И если выходцев из северокавказских республик или бывших республик Советского Союза еще роднит с коренным населением общее гражданство РФ или советское прошлое, то преступные сообщества, создаваемые иностранными гражданами из стран «дальнего зарубежья», такие как китайские, вьетнамские или нигерийские полностью закрыты для правоохранительных органов и практически не изучены исследователями. Многие преступные сообщества, построенные по этническому признаку, настолько изолированы от русского социума, что правоохранительным органам

практически не представляется возможной их ликвидация. В качестве типичного примера можно привести многочисленные цыганские преступные группы, действующие не только на территории России, но и во многих других государствах.

На территории юга России, в особенности в Ростовской области и Краснодарском крае, где традиционно проживает большое количество цыган, данные преступные группы широко развернули свою деятельность, специализируясь, как правило, на двух направлениях – наркобизнесе и мошенничестве, которые могут совмещаться с грабежами, кражами и скупкой краденого, продажей контрафактной алкогольной продукции и т.д.

Традиционная форма социальной организации цыганского общества помогла этому народу не только выжить, но и практически избежать ассимиляции. Однако она же способствовала и изоляции цыган от социально-экономической и культурной жизни тех государств, на территории которых они кочевали или создавали свои поселения. В результате, среди данной этнической группы всегда был высок процент лиц с криминальным опытом. Так в конце 1990-х гг. среди всех преступников, отбывавших наказание в пенитенциарных учреждениях Болгарии, цыгане составляли до 60% [1].

Важнейшей особенностью данных преступных сообществ является абсолютная круговая порука всех членов группировок, отказ их от контактов с правоохранительными органами, что объясняется, в том числе и традиционным для цыганского общества разделением мира на «своих» – цыган («ром») и «чужих» – нецыган («гаджо»). Не представляется возможным и внедрение агентов внутрь цыганских преступных сообществ, поскольку последние носят, как правило, семейный характер, да и в правоохранительных органах практически отсутствуют сотрудники цыганской национальности или владеющие различными диалектами цыганского языка.

В настоящее время как на территории ЮФО, так и в России в целом, наиболее опасным для общества направлением деятельности цыганских преступных сообществ является наркоторговля, в которую включено значительное количество цыган. О масштабах их деятельности свидетельствует, к примеру, операция, проведенная УФСН по Ростовской области в 2009 г., в г. Гуково, в результате которой было обнаружено 4 кг опия и 200 г героина, задержано 25 представителей цыганского преступного сообщества, многие из которых уже были ранее судимы, в т.ч. и за тяжкие преступления [2]. В Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, как отмечают исследователи, наблюдается омоложение состава лиц, принимающих наркотики, хотя данная группа включает в себя представителей практически всех возрастных категорий, начиная с 12 лет и заканчивая 60 годами [3].

Проживая в окраинных районах крупных городов, а также в сельской местности и депрессивных населенных пунктах, наркоторговцы своей деятельностью не только способствуют распространению наркомании, а следовательно и росту общеуголовной преступности, но и создают почву для межэтнических столкновений, поскольку благодаря действиям преступников в глазах местных жителей все цыганское население начинает ошибочно отождествляться с наркоторговцами. Показателен пример с. Кулешовка в Азовском районе Ростовской области, которое получило широкую известность как очаг наркомании и наркоторговли из-за действующих там цыганских наркодилеров [4]. В результате деятельности последних значительная часть сельской молодежи получила опыт употребления наркотиков, превратилась в полностью наркозависимых людей. Ухудшилась криминогенная обстановка в селе. И когда в результате смерти русского наркомана от передозировки наркотиков в селе начались антицыганские выступления, активно поддержанные казачеством, пострадали не только наркоторговцы, но и та часть цыган, которая занималась честным трудом.

Следует отметить, что подобные антицыганские выступления, спровоцированные противоправной деятельностью отдельных представителей данной этнической группы, характерны не только для значительной части регионов России, но и для многих других государств, прежде всего для стран Восточной Европы, в первую очередь для Болгарии, Румынии и Словакии, где цыганские диаспоры отличаются особенной многочисленностью [1].

В качестве важной особенности этнических преступных сообществ выступают и их межрегиональные связи. По данным правоохранительных органов, на юге России наблюдаются тесные связи между цыганскими преступными группировками Волгоградской и Ростовской областей и Краснодарского края, а также Украины. Наркотики опийной и каннабиноидной групп, производимые на Украине и в Краснодарском крае, не только продаются на местах, но и экспортируются на реализацию родственниками в Ростовскую область [5].

В деятельность цыганских преступных сообществ активно вовлечены женщины. Это, во-первых, объясняется традиционным распределением ролей в цыганской семье, где именно женщины выступают в качестве добычи средств к существованию, во-вторых, имеет прямой практический смысл, позволяющий подобным группировкам легко оправляться после разоблачения правоохранительными органами. Мужчины, выступающие в качестве организаторов преступного бизнеса, почти всегда остаются безнаказанными, поскольку в роли непосредственных исполнителей (мошенников, квартирных воров, реализаторов наркотиков) выступают женщины и дети.

Для закавказских этнических преступных группировок по-прежнему характерна «воровская» модель организации криминального сообщества, в той или иной степени соответствующая уголовным традициям, выработанным еще в советский период, хотя и адаптирующая их как с точки зрения национальной специфики, так и с учетом изменений в политической и социально-экономической жизни общества. Для закавказской организованной преступности, еще в 1960-е – 1980-е гг. подчинившей своему влиянию «теневой бизнес», характерна высокая степень клановых и коррупционных связей с властными и правоохранительными структурами.

Как отмечают Г. Глonti и Г. Лобжанидзе: «В 1982 году, в Тбилиси, (Грузия) состоялась большая сходка воров, на которой обсуждались вопросы необходимости трансформации воровского сообщества в современном мире и увеличении участия воров в экономической и политической жизни в СССР. Автором этого проекта выступал известный «вор в законе» из Грузии: Джаба Иоселиани. Данную позицию поддержали другие грузинские и кавказские криминальные авторитеты, что было вполне объяснимым явлением. В Грузии уже тогда сложилась ситуация тесного взаимодействия преступных кланов с региональной правительственной иерархией. В республике процветали взяточничество и другие виды коррупции и государственные чиновники по существу являлись структурными звеньями преступного сообщества» [6].

Криминальные группировки выходцев из Грузии занимают одну из наиболее прочных позиций внутри российской этнической преступности. При этом, начиная с 1990-х гг., наиболее влиятельные «воры в законе» предпринимают меры по легализации своих доходов через подставные фирмы, а также стремятся к их увеличению посредством не столько совершения общеуголовных преступлений, сколько установлением контроля над различными сферами экономической деятельности, приносящими наиболее высокую прибыль. Вместе с тем грузинские криминальные группировки сохраняют едва ли не в большей степени, чем все остальные, приверженность традиционным преступным заработкам, таким как квартирные и карманные кражи, грабежи, угоны автомобилей и в осо-

бенности кражи барсеток (практически все «барсеточники» представлены членами грузинских, абхазских, мегрельских криминальных кланов).

Специфической моделью организации этнического преступного сообщества являются северокавказские, прежде всего чеченские преступные группировки, имеющие ряд кардинальных отличий от других криминальных структур, действующих на территории России. Имеет смысл обратиться к исследованию украинского автора Н.В. Матийко, выявившего ряд ключевых структурных особенностей чеченских группировок. Данные сообщества, как отмечает Н.В. Матийко, имеют не пирамидальную, а лучевую структуру, в которой в виде лучей выступают полуавтономные группы-кланы, а в качестве центра – старейшины, принимающие стратегические решения и выполняющие регулятивные функции [7]. Такая модель организации имеет целый ряд очевидных преимуществ, в том числе гибкость, мобильность, возможность быстрого рассредоточения или концентрации сил.

В крупных городах России, в том числе и на юге страны, чеченские криминальные группировки появились в конце 1980-х гг., их организаторы, как правило, были первоначально являлись студентами, которые приехали по целевому набору для учебы в высших и средне специальных учебных заведениях и начали криминальную деятельность с обложения денежными поборами соседей по общежитию, соучеников, а затем и кооператоров, предпринимателей [8]. За сравнительно короткие сроки чеченские преступные группировки появились в большинстве крупных городов страны, распространяя свое влияние на прибыльные сферы бизнеса, не отказываясь и от жестоких общеуголовных преступлений.

Занятию чеченскими группировками прочных позиций в криминальном мире способствовала как жесткая дисциплина, основанная на родственных и тейповых связях, так и жесткие методы действий, а также реальный боевой опыт, который многие участники данных группировок получили во время первой и второй чеченских войн, и облегченный доступ к оружию, которое присутствует на Северном Кавказе в достаточном количестве. Для данных группировок преобладающей является тенденция не классических уголовных преступлений, а установления контроля над различными сферами бизнеса. С этой целью группировки используют специально внедряемых в органы власти и правоохранительные органы соплеменников, и только после обзаведения покровителями переходят к активным действиям. Характерной особенностью чеченских и вообще северокавказских группировок является и непризнание ими традиционных правил уголовного мира («воровских понятий»), вместо которых в качестве норм, регулирующих поведение членов группировок, выступают национальные и религиозные традиции.

Для северокавказских, в первую очередь чеченских, ингушских и дагестанских преступных сообществ, действующих на территории юга России и в особенности на Северном Кавказе, характерны такие специфические формы преступной деятельности как похищение людей с целью выкупа и в качестве рабов, вооруженные нападения многочисленными группами на сельские поселения, угон автотранспорта и скота. Борьбу с этими видами преступлений осложняет труднодоступное положение многих населенных пунктов Чечни и Дагестана, которые могут использоваться в качестве баз преступными группировками.

Лицо, совершившее преступление в другом регионе России и попавшее в поле зрения правоохранительных органов, может, добравшись до своей родной республики, благополучно скрыться от уголовного преследования, получить укрытие и необходимую помощь от членов своего тейпа. Одновременно Северный Кавказ может выступать и в качестве базы для пополнения рядов преступных группировок, действующих в других регио-

нах, поскольку в условиях безработицы и демографического роста в северокавказских республиках всегда присутствует значительное количество боеспособных молодых мужчин, значительная часть которых, воспитанная в национальных традициях, имеет навыки обращения с оружием и спортивную подготовку.

Повышенная опасность данных преступных сообществ заключается и в том, что они часто имеют прямые связи с экстремистским подпольем, действующим в северокавказских республиках, осуществляя его частичное финансирование за счет полученных преступным путем средств, а также выполняя его определенные поручения. В первой половине 1990-х гг. многие чеченские криминальные группировки фактически представляли интересы установившегося в республике сепаратистского режима Д. Дудаева, известны и факты участия некоторых криминальных авторитетов чеченского происхождения в деятельности сепаратистского движения, вплоть до занятия в нем руководящих постов.

Рассматривая структурные различия этнических преступных сообществ, следует обратить внимание и на их зависимость от тех социальных и культурно-исторических условий, в которых развивался тот или иной этнос. Большинство таких сообществ по организационной структуре воспроизводит социальную организацию определенных этносов. Для северокавказских группировок характерен приоритет тейпа, для цыган – семьи/табора. Существует и такая организационная модель, которую мы можем назвать «аморфной». Для нее характерны отсутствие жесткой внутренней структуры, возможно также отсутствие «силовых» групп. Спорные вопросы подобные организованные преступные группы предпочитают решать либо мирным путем, либо используя в качестве ударного оружия бойцов из других группировок. Однако отсутствие жесткой структуры и «силовых» групп отнюдь не означает, что подобные сообщества находятся на периферии преступного мира и не обладают в нем существенными позициями. Скорее они оказываются даже в более выгодном положении, поскольку не находятся на виду у правоохранительных органов и общественности, «грязную работу» за них выполняют представители других этнических преступных группировок.

В качестве примера подобного криминального сообщества можно привести ассирийскую группировку, действующую как в Москве, так и на юге России, а также в Закавказье. В отличие от большинства этнических преступных группировок, которые активно заявили о себе лишь в конце 1980-х гг., история ассирийского преступного сообщества уходит в 1960-е гг. В послевоенный период ассирийцы контролировали ларьки чистильщиков обуви в Москве, торговлю мясом, некоторые представители группировки также занимались квартирными и карманными кражами.

Являясь одной из старейших этнических преступных группировок, в современной России ассирийское сообщество предпочитает высокодоходные сферы деятельности, прежде всего игорный бизнес и «отмывание» денег. Также, по данным правоохранительных органов, ассирийское сообщество обладает обширными связями в Австрии, Германии и США, поддерживает тесные отношения с грузинскими и славянскими «ворами в законе».

Следует рассмотреть основные тенденции развития этнической преступности в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах Российской Федерации. Тревожным фактором остается рост насильственной преступности в регионе, связанной с применением оружия, а также выявление многочисленных случаев хранения, транспортировки и продажи огнестрельного оружия. По данным ГУ Генпрокуратуры РФ по ЮФО, только за 8 месяцев 2009 года на территории округа было совершено 995 преступлений с применением оружия и взрывчатых веществ. Наиболее тяжелая ситуация, как утверждают представители правоохранительных органов, сложилась в Дагестане и Ингушетии (ныне вхо-

дят в СКФО), а также в Астраханской области и Краснодарском крае. Высокому уровню преступности, связанной с применением или хранением оружия, способствует близость региона к зонам, где в последнее время происходили вооруженные конфликты – чеченский, грузино-абхазский и грузино-осетинский.

Отметим, что пресечение хранения, оборота и применения огнестрельного оружия на Северном Кавказе представляло сложную задачу для правоохранительных органов и в советский период. Традиции горских народов предписывали едва ли не обязательное владение оружием для каждого уважающего себя мужчины, поэтому последние стремились приобрести оружие любыми способами. Культ оружия господствовал в горских обществах, и именно оружие выступало в качестве главного отличительного знака «настоящего мужчины», свободного члена родовой общины.

Об этом пишут и классики русской литературы, в частности, А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум»: «Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками» [9].

Вооруженные конфликты в Абхазии, Карабахе, Осетии и Чечне только спровоцировали дальнейшее распространение в регионе огнестрельного оружия. Из криминальных сводок в различных регионах ЮФО, и в особенности СКФО, можно сделать вывод, что в настоящее время огнестрельное оружие находится на вооружении не только этнических преступных группировок, но и многих отдельных лиц и семейно-родовых групп, прямо не участвующих в преступной деятельности. Часто это оружие применяется в конфликтах между северокавказскими мигрантами и коренным населением в русских регионах ЮФО, которые, имея под собой бытовую основу, принимают характер межэтнических столкновений. Так, огнестрельное оружие применялось дагестанской стороной против местного населения в конфликте, имевшем место в Сальске Ростовской области в 2006 г., а также чеченцем против местных жителей и милиционеров в пос. Яндыки Астраханской области в 2004 г.

В межнациональных столкновениях, которые не являются редкостью для такого полиэтничного региона как Северный Кавказ, этническим преступным группировкам отводится особая роль. Можно утверждать, что именно они вместе с национал-экстремистами, как кавказскими, так и русскими, несут значительную долю ответственности за те столкновения, которые на протяжении 1990-х – 2000-х гг. имели место в областях, краях и республиках юга России. Боязнь агрессии со стороны большинства местного населения заставляет мигрантов искать защиты именно у этнических преступных сообществ, что существенным образом усиливает позиции последних: предприниматели из числа диаспоры платят им дань «за охрану» и решение определенных вопросов, безработная молодежь готова пополнить ряды группировок, которые, к тому же, обладают в ее глазах романтическим ореолом.

Известно, что «воры в законе», криминальные авторитеты и знаменитые боевики пользуются у значительной части молодежи этнических меньшинств большим уважением, служат примером для подражания. Однако такой пример для подражания неизбежно толкает молодежь на совершение преступлений, если не в составе преступной группы, то индивидуальных. Это является проблемой не только данных этнических общностей, но и всего российского общества в целом, в которой виновата, в первую очередь, сама российская власть, которая не сумела сформулировать внятной национальной идеологии,

способной объединить многонациональное население страны, представить позитивные примеры для подражания молодым выходцам из национальных меньшинств. Естественно, что криминальный «авторитет» или боевик обладает для молодых людей большей привлекательностью по сравнению с типичным коррумпированным чиновником кавказской республики.

В последние годы ЮФО, в первую очередь приморская зона Краснодарского края, и прежде притягивавшая криминальные группировки, стремившиеся установить контроль над индустрией отдыха и развлечений, выступает объектом пристального внимания со стороны лидеров преступного мира. Это объясняется, во-первых, открытием игровой зоны, во-вторых, предстоящей Олимпиадой 2014 г. в г. Сочи. Олимпийское строительство привлекает не только отечественных и иностранных предпринимателей, но и криминальные сообщества, заинтересованные в «отмывании» денежных средств и контроле инвестиционных потоков. Именно игорный бизнес и олимпийское строительство стали причиной многочисленных конфликтов между конкурирующими кланами «воров в законе». В 2009 г. в ряде городов страны произошло несколько покушений на криминальных «авторитетов» и «воров в законе», которые связываются правоохранительными органами с разделом сфер влияния перед сочинской Олимпиадой. Интерес этнических криминальных кланов к олимпийскому строительству крайне показателен, поскольку демонстрирует степень влияния данных преступных сообществ на экономическую жизнь современной России.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы о структурных особенностях и специфике деятельности этнических преступных сообществ в современной России.

Важнейшие структурные особенности этнических преступных сообществ формировались под влиянием национальной и социокультурной специфики, определенных исторических, политических и социально-экономических условий существования определенной этнической группы. Для большинства этнических преступных сообществ характерны клановость, закрытость от внешнего мира, высокий уровень внутренней дисциплины и организованности, наличие развитых межрегиональных и международных связей. На территории юга России деятельность этнических преступных сообществ имеет свои специфические тенденции, обусловленные геополитическим положением региона, многонациональным составом населения, близостью к зонам вооруженных конфликтов. Эффективное противодействие этнической преступности в южных регионах РФ имеет стратегическое значение для современного российского государства.

Ссылки:

1. Деметр Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд / Институт этнологии и антропологии РАН. Воронеж, 2000. С. 231.
2. Госнаркочеконтроль зачистил цыганскую диаспору в Ростовской области. URL: www.krestianin.ru/news/9231.php
3. Криминогенные процессы в современном российском обществе: причины, динамика, перспективы / Под ред. М.Ю. Попова. Краснодар, 2009. С. 193–194.
4. Пелихова И. «Как малограмотные цыгане могут противостоять МВД и ФСБ?». URL: www.7c.ru/archive/2783.html
5. Николаев В.А. Организация мониторинга наркоситуации в Ростовской области (тезисы выступления секретаря Антинаркотической

References (transliterated):

1. Demetr N., Bessonov N., Kutenkov V. Istoriya tsygan. Noviy vzglyad / Institut etnologii i antropologii RAN. Voronezh, 2000. P. 231.
2. Gosnarkokontrol' zachistil tsyganskuyu diasporu v Rostovskoy oblasti. URL: www.krestianin.ru/news/9231.php
3. Kriminogenne protsessy v sovremennom rossiyskom obshchestve: prichiny, dinamika, perspektivy / ed. M.Y. Popov. Krasnodar, 2009. P. 193–194.
4. Pelihova I. «Kak malogramotne tsygane mogut protivostoyat' MVD i FSB?». URL: www.7c.ru/archive/2783.html
5. Nikolaev V.A. Organizatsiya monitoringa narkosituatsii v Rostovskoy oblasti (teziy vystupleniya sekretarya Antinarkoticheskoy komissii

- комиссии Ростовской области. 12.02.2009). URL: www.donland.ru/.../info.asp
6. Глonti Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004. С. 37.
  7. Матийко Н.В. Этническая организованная преступность в южном регионе Украины: состояние и направления противодействия // Одесский центр по изучению организованной преступности и коррупции. URL: www.inter.criminology.org.ua/modules.php?...
  8. Фочкин О., Азман А., Мохель Р. Слоеный пирог с тротиловой начинкой // Комсомольская правда. 1.11.2002.
  9. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. URL: www.pushkin-town.net/.apushkin/870.htm
- Rostovskoy oblasti. 12.02.2009). URL: www.donland.ru/.../info.asp
6. Glonti G., Lobzhanidze G. Professional'naya prestupnost' v Gruzii (vory v zakone). Tbilisi, 2004. P. 37.
  7. Matiyko N.V. Etnicheskaya organizovannaya prestupnost' v yuzhnom regione Ukrainy: sostoyanie i napravleniya protivodeystviya // Odesskiy tsentr po izucheniyu organizovannoy prestupnosti i korruptsii. URL: www.inter.criminology.org.ua/modules.php?...
  8. Fochkin O., Azman A., Mohel' R. Sloeniy pirog s trotilovoy nachinkoy // Komsomol'skaya pravda. 2002. October, 1st
  9. Pushkin A.S. Puteshestvie v Arzrum vo vremya pohoda 1829 g. URL: www.pushkin-town.net/.apushkin/870.htm